

Рассказы «Женя Касаткин» и «Лейка» имеют ряд общих черт. События, которые влияют на развитие чувства ответственности, служат толчком для его формирования, происходят в детстве или подростковом возрасте главных героев. При этом сами события анализируются уже зрелыми личностями, людьми, имеющими определенный жизненный опыт и сформированную систему ценностей. Они сопоставляют поступки, совершенные когда-то давно, с теми принципами, которых придерживаются сейчас. В двух рассказах главные герои — школьники, люди, которые живут по одинаковым правилам. Поведенческая реакция одноклассника — это своеобразное отражение собственных взглядов. В итоге так и получается: обидев одноклассника, герои мучаются сами. Также в рассказах встречается одинаковый образ-символ — лед, ледяная вода. Для крупинского героя ледяная вода — это признак весны, обновления. Такое обновление происходит в сердце мальчика, после смерти Жени: он по-другому смотрит на мир, он начинает осознавать личную ответственность за происходящие рядом вещи. Для героя Сяошэна лед — это символ бездушности, холодности сердца. Для одноклассницы лед — это скорее традиционный китайский символ «пин», который связывают с детским благочестием, послушанием. Еще один образ — слезы. Плачет Колька, самый старший из одноклассников Жени, и плачет жестянщик, узнав всю правду давно прошедшей истории. Колька оплакивает умершего Касаткина, жестянщик — умершего в себе страдальца. Рассказчик Крупина не плачет, он еще не осознает, что происходит на самом деле, его опыта, в отличие от старшего Кольки, еще не хватает. Для жестянщика слезы над письмом — это слезы очищения, освобождения мятущейся души.

На примере рассказов В. Крупина «Женя Касаткин» и Л. Сяошэна «Лейка» мы видим, что проблема ответственности личности за свои поступки является актуальной для всех людей, независимо от культурных традиций, уровня образованности, материального благополучия.

Литература

1. Крупин, В. Н. Избранное: в 2 т. / В. Н. Крупин. — М.: Мол. гвардия, 1991. — Т. 2. — 559 с.
2. Сяошэн, Л. Лейка / Л. Сяошэн // Всемирная литература. — 2002. — № 2. — С. 117–123.

Людмила Толчикова (Гомель)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ БЫТИЯ В ПОЭЗИИ И. ЖУРБИНА

Игорь Викторович Журбин (1962–2008) — многогранная личность: поэт, режиссер, журналист, актер, музыкант, чья творческая деятельность тесно связана с Гомельской землей. Он родился 31 января 1962 г. в г. Махачкала Дагестанской АССР в семье военнослужащего. Учился в гомельской средней школе, закончил режиссерское отделение Минского государственного института культуры. Работал в СМИ. Последние годы своей жизни работал обозревателем отдела новостей областной газеты «Гомельская правда». Стихи Журбина печатались во многих литературных сборниках и альманахах. В 1991 г. подборка его стихов была опубликована в первой советской «Антологии русского верлибра». Журбин был солистом и автором текстов песен ансамбля

«Поп-синдикат», а также являлся членом Гомельского отделения общественного объединения «Союз писателей Беларуси». Творчество Игоря Журбина мало изучено. О нем в разные годы публиковались небольшие заметки в средствах массовой информации, снимались телевизионные передачи, но его литературное наследие не систематизировано. Вместе с тем, в литературных кругах этот поэт хорошо известен. Еще при жизни Игоря Викторовича вышли в свет два поэтических сборника, а в 2010-ом г. вышла его посмертная книга. Данная статья имеет своей целью рассмотреть философские аспекты его поэтического творчества, а также рассмотреть его поэзию в локальном, гомельском, контексте.

Первый сборник «Колодец», изданный в московском издательстве «Советский писатель» в 1990 г. тиражом в 5000 экземпляров, сразу же привлек к себе внимание не только литературных критиков, но и любителей поэзии. В него вошли ранние стихи, написанные в перестроечную эпоху. Философские размышления о современности и вечных вопросах бытия отражают свойственные в то время в среде творческой интеллигенции настроения, которые отличались характерной для многих тогдашних творцов надеждой на перемены, лучшее будущее и в то же время отражали определенный скепсис. Открывает сборник знаковое стихотворение, которое называется «Ожидая праздника». Поэт ощущает себя частью, «щепоткой Вселенной», чувствует, как «космос дышит» его легкими, «обжигая... сердце». Игорь Журбин так определяет суть своей поэзии: «На космогонической теме я пробую строить свою концепцию поэзии, в которой три существенных момента. Во-первых, на мой взгляд, современная поэзия развивается в направлении как можно большей конденсации мыслей и образов в наименьшем количестве строк. Верлибр — самый благоприятный для такой конденсации поэтический жанр. Во-вторых, я в своих стихах стараюсь не противоречить науке. И, в-третьих, сейчас общество на такой стадии развития, что просто вынуждено апеллировать к глобальным понятиям... Поэтому надо формировать в людях космогоническое мышление; мы принадлежим не Земле, а Вселенной» [2, с. 3]. Отсюда центральный вопрос его поэзии — предназначение: *«За что же душа получила тело, // зачем я родился на свет?»* [1, с. 5]. Для Журбина человек не мыслим без социума, без людей, их отношений. Именно они дают нам возможность самоопределения: *«Кто опознает меня, раз я существую, — // чей-то наследник, предтеча иль чей-то укор? // Темная комната одиночества — картина, полная красок, // лишенная смысла...»* [1, с. 5]. Одиночество человека передается метафорой «темная комната одиночества». Этот образ вновь возникает через катрен, ему доверяют человеческие мечты об общении, человеческом тепле, дружбе — свете. Темная комната одиночества хочет, чтобы ее увидели. Только б кто-нибудь зажег свет, а она б уж ничего не пожалела, раздала бы все свое имущество. И стояла бы пустая и счастливая, светлая!

Во всех произведениях автора просматривается тонкий лирик с философским уклоном. Яркие краски, настоящие чувства, пронзительные интонации. Диалог с самим собой, диалог с читателем, диалог с Учителем, диалог с Богом. Раздумья над общечеловеческими проблемами в «смутные времена» трансформируются в поиске ответов на вечные вопросы. Для поэта

очень важны устойчивые координаты в меняющемся мире — род, семья, дружба, моральные гуманистические ценности. В стихотворении «Мамина мама надела чистый передник...» раскрывается связь времен и поколений, житейской мудрости от дедов к внукам: *«Мамин отец рассказывает о самом важном, // что видел и понял в жизни, — // пусть внук помнит об этом, когда деда не // будет. // Потом наступает ночь, и мы спим в своей хате, трижды сгоравшей, но каждый раз отстраивавшейся на старом фундаменте. Эта земля — наш фундамент»* [1, с. 4]. В одной строке И. Журбин ставит рядом слово «фундамент» в разных значениях — основание дома и основа жизни. В данном контексте тавтология и полисемия имеет глубокий смысл: *«Наверное, поэтому Земля представляется мне // клубком голубых ниток. Среди них // тянется из века в век наша ниточка // тоньше паутинки...»* [1, с. 4].

А жизнь продолжается: спят старики, натрудившись за день, в хате — традиционные для этой поры года запахи молока и клубники и покой, идущий от уверенности в завтрашнем дне человека, живущего на земле, подчиненного извечному трудовому циклу. Это вызывает настроение, когда «хочется плакать от счастья» [1, с. 4], потому что для таких людей все беды жизни преодолимы, все невзгоды по плечу.

Для И. Журбина очень важна мысль, что наше прошлое — это часть нас самих, то, что делает нас тем, что мы есть. Это одинаково важно и ценно для человека в любые времена. Одним из «знаковых» стихотворений И. Журбина является посвященное его бабушке, Журбиной Марии Ивановне, стихотворение «Русский дух...» из сборника «Испытание Миром Молчащих. Хроника конца Черного Века». Стихотворные строки пронизаны большой любовью к близкому, родному и очень дорогому человеку — бабушке. Поэт вспоминает ее сказки, ее душевную теплоту, ее трудолюбие, и эти воспоминания в трудные моменты придают ему силы и надежду. Само понятие «русский дух» вызывает целый ряд ассоциаций — от фольклора до «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина. В стихотворении И. Журбина авторская интерпретация слов «русский дух» ассоциируется с образом бабушки: *«Русский дух — запах хлеба и кваса, // Русский дух — воля к жизни в крови, // Дух светящихся яблок на Спаса, // Свет духовности, веры, любви./ Моя милая, он в твоих сказках, // Что давно рассказала ты мне. // И теперь, в стертых временем красках, // Я их часто встречаю во сне»* [4, с. 72].

Бабушка — духовный якорь, который поддерживает поэта в житейских испытаниях. (Предки по линии отца были терскими казаками). Бабушкины простые письма, посвященные насущным проблемам быта, трудолюбие, стойкость в житейских испытаниях служат примером. Поэтому после них *«душою тогда потеплеешь, / И покажется мелкой беда...»* [4, с. 72]. Бабушке Марии Ивановне посвящен также рассказ «Связь времен», вошедший в посмертную книгу Игоря Журбина «Предошущение праздника». Образ бабушки вызывает ассоциацию с некрасовской русской женщиной. Именно так обобщенно звучит последняя строка стихотворения: *«Русский дух — вера в чудо, мечта»* [4, с. 72].

Несмотря на «русскость», заявленную выше, Журбину важна локальность, и, соответственно, белорусскость как точка отсчета, координата его

жизни. Родной город представляет «тихую гавань», и именно поэтому поэт переживает, видя его изменения в стихотворении «Возвращение из будущего». Поэт приехал в родной город, но как он изменился! Он «будто дом с покойником». Дорогие воспоминания «носятся...как мусор, / и равнодушно их уничтожает дворник — время». И постепенно воспоминания превращаются в «удушливую пыль». А как изменились жители! *«Везде чужие озабоченные лица», «люди, как с витрины, / застывшие и пыльные улыбки дарят», в глазах у равнодушных прохожих «отражается желудок»* [1, с. 72]. Люди озабочены одним — хлебом насущным и каждодневной суетой. Но постепенно картина меняется и *«в городе холодном / оттаивают окна для меня, желтеют окна, / где ждут меня»* [1, с. 72].

В сборнике «Испытание Миром Молчащих. Хроника конца Черного Века», изданном в 1995 г., в стихотворении «Памятник» эта тема не только переосмыслена, но и приобрела неожиданные акценты. Как известно, один из основных символов — дом — в традиционном славянском культурном сознании всегда выступал как синоним добра, семейного очага, объединяющего начала. И. Журбин подчеркивает агрессию современного ему общества, поэтому и в современном городе, дома «затаились, как звери, и как будто готовы напасть» [4, с. 37]. Город (а это символ социума 90-х г. прошлого века) отторгает все светлое, дружественное, заставляя поэта жить «как будто в изгнании». Поэт вопрошает: «За что мне так жить?» [4, с. 38], подчеркивая безнадежность безвременья градацией: нет «ни денег, ни дома, ни будущего» [4, с. 38]. При этом он не может представить свою жизнь без людей, без их тревог и нужд, он горд, что сохраняет человеческий облик и ищет точку опоры для радости, потому что *«...вселенская неприкаянность нашего духа // страшнее сожжения на костре»* [4, с. 5].

Мотив противостояния «низкого и высокого», неприкаянности, высокой духовности сближает лирику И. Журбина с религиозной философией, и библейские аллюзии весьма часты в его произведениях. Так, мысль из Экклесиаста о том, что в мире все уже происходило и все повторяется, оригинально интерпретируется в стихотворении «Ошибки?» Поэт перечисляет новые вещи и явления, которые для него не новы: найденная недавно фреска, впервые увиденная девушка, компания настоящих музыкантов. Для него они узнаваемы. Он знает, как пахнут ее волосы, каким будет ее голос и знает, как они расстанутся. Его чувства — его знания. Поэтому впервые увидев музыкантов, он знает, что когда-то они уже были его друзьями и играли для него. Более того, он убежден, что когда-то уже ходил по лестнице в их театре, волнуясь, стоял за кулисами. Поэт допускает: все это можно объяснить. Однако вот, что его приводит в смущение: *«Но чем объяснить то, что я повторяю ошибки, сделанные мною когда-то?»* [1, с. 22] Поэт живет не холодным разумом, а чувствами, доверчив к людям. Поэтому вновь и вновь совершает те же ошибки, а приобретенный негативный опыт ничему его не учит.

Умение увидеть духовное в тривиальном, оттолкнуться от конкретного жизненного явления, философски осмыслить, обобщить его — одно из ключевых явлений творческого дарования поэта. Его проявление можно увидеть по стихотворению «Когда я вижу на дороге в поле...». Заметив привычную

картину едущих в тумане холодного утра на работу в поле односельчан деда, поэт понимает, что он — «сам частица их великой жизни» и «рожден любить их»: *«Я в собственные руки плуг беру / и кровную свою взрыхляю землю, / исполненный величия обряд: / давая жить, я продолжаюсь в жизни»* [1, с. 35]. Но поэт ненавидит любой официоз и пафос, и потому исполненная торжественности картина далее нарочито «приземляется» описанием случая с побегом поросенка, спрыгнувшего с телеги и вымазавшегося в грязи. Его поймал мальчишка и водворил на место. Эта картинка, такая привычная и вместе с тем символизирующая вечность в трудовом цикле и жизни земледельцев, в поэтическом мироощущении И. Журбина вызывает библейские аналогии: *«В туманном поле вижу я телегу / и в ней Отца и Сына»* [1, с. 36].

А может, случай с поросенком — это не бытовое описание, а, скорее, метафора? И если Н. В. Гоголь сравнил Русь с птицей-тройкой, то почему бы Журбину вслед за А. С. Пушкиным, не сравнить жизнь с телегой — традиционным сельским транспортом и с поросенком оторвавшегося от своих исконных корней человека, стремящегося к более сытой жизни, в которой он «бежит и утопает в грязи», «дрожит, испуганный и грязный» и «мокрым розовым поводит пяточком» [1, с. 36]?

Образы природы в поэзии И. Журбина тоже философичны. При том, что картины природы ярки в описании, это все же не главное. Основное — повод для раздумий. В стихотворении «Осень — узница за ночь до казни...» традиционный образ природного явления очеловечивается и наделяется чувствами, воспоминаниями и размышлениями ждущего казни человека. Поэтому она «...величественная, тихая» и радуется былому: «Ах, какой за плечами праздник...» И четвертая строка катрена — голос автора: «Ну так что ж это — лихо?» Осень наслаждается каждой минутой и напоследок понимает: «Столько счастья дарила кому-то», И опять авторский вопрос: «Жаль ли веток?» [1, с. 37], т. е. какова цена счастья и чем можно пожертвовать во имя него?

А вот как видится поэту знаменитая, воспетая многими предшественниками, пора «бабьего лета»: *«А утром бледное солнце заглянет —// Сотоварищ весенний — / И блистать напоследок заставит / Неподдельным весельем»* [1, с. 37]. Так преобразуется известное выражение о последнем желании человека, любящего жизнь и ее радости, перед казнью — концом жизни и радости — ощутить (пусть на краткий миг!) полноту бытия. И тут параллельно встает образ поэта, который обречен это «беспомощно зреть» «из толпы бесшабашной, нахальной» (пушкинская аллюзия-противопоставление толпы и поэта-пророка): *«Ее профиль, над плахой склоненный, / Взгляд прощальный»*. И вновь яркие краски описания примет осени даны через сравнение, начинающееся, как и в фольклоре, с двукратного как: *«Как палач свой топор журавлиный / Занесет, оробеет, / Как на белой груди калиной / Кровь зардеет»*. Трагизм подчеркнут аллитерацией на ри короткой последней строкой, особенно в 4 и 5 катренах, звучащей как удар. Так выражается в творческом сознании Журбина концепция единства мира человека и природы.

И. Журбин — мастер верлибра, поэтической системы, вмещающей в себя все возможные ритмические вариации разных систем стихосложения. В циклах

«Страна отчаянья», «Памятник дождю», «Я, Люди и Море», «Отдушина» поэтически отражено земное бытие поэта, его переживания и любовь, связь времен и культур разных эпох. Все это хорошо «вмещает в себя» свободный стих, который дает возможность раскованно говорить о глобальных вещах. Игорь Журбин был членом Совета ассоциации русских верлибристов. В 1992 г. в статье «Соло для одинокой скрипки», он пишет: «Читатель верлибра остается один на один с внутренней мелодией верлибра, здесь невозможна фальшь, ибо ее нельзя спрятать за виртуозной оркестровкой рифмы, ассоциации, метра» [2, с. 33]. В одном из своих интервью газете «Знамя юности» И. Журбин называет верлибр «обнаженной поэзией», «примером поэтического современного мышления» [3].

Сложность поэтического наследия Журбина, зафиксированного в его стихах, требует подготовленного читателя, способного «услышать» как темы великорусские, так и локальные, гомельские в его творчестве. Вместе они представляют комплексный материал для новых теоретических исследований современной русскоязычной литературы Беларуси.

Литература

1. Журбин, И. В. Колодец / И. В. Журбин. — М.: Сов. писатель, 1990.
2. Журбин, И. В. Соло для одинокой скрипки. // Родник. — 1992, — № 7–8.
3. Журбин, И. В. — Мы — братья по Солнцу! // Знамя юности. — 1991.
4. Журбин, И. В. Испытание Миром Молчащих / И. В. Журбин. — Гомель: ООО «ИнфоТрибо», 1995.

Ирина Середа (Минск)

ТВОРЧЕСТВО В. МАКАНИНА ЗА РУБЕЖОМ

Владимир Маканин признан одним из ведущих русских прозаиков современности как в России, так и за рубежом. Он один из самых переводимых на другие языки из пишущих по-русски авторов: его произведения изданы на английском, французском, итальянском, польском, шведском, немецком, испанском, китайском, японском и других языках. За пределами постсоветского пространства у писателя вышло более ста книг прозы.

В данной статье исследуется «жизнь» маканинских текстов за рубежом, а также иностранные литературоведческие труды (преимущественно англоязычные), посвященные крупнейшим произведениям автора.

Первым из переведенных и опубликованных за границей произведений В. Маканина стала повесть «На первом дыхании» («Schönes Mädchen mit den grauen Augen», или «Красивая девушка с серыми глазами»), которая увидела свет на немецком языке в 1978 г. в ФРГ и очень скоро там же вошла в число «бестселлеров» [6, с. 425]. Малоизвестного тогда молодого автора пригласили на Франкфуртскую ярмарку, однако «Всесоюзное Агентство по авторским правам» привычно и бодро ответило: *Маканин болен, и только поэтому он не приедет*» [5, с. 99]. Безусловно, отказ возмутил иностранную общественность («издать его издали, а на ярмарку не выпустили» [5, с. 99]), но данный факт неожиданным образом сыграл на пользу автору: в московской писательской